

ФАШИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946–1964 гг.)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается опыт фашизации образа врага в визуальной пропаганде СССР на начальном этапе холодной войны. Текстовое и изобразительное содержание агитационных плакатов и газетных карикатур, посвященных международным темам, исследуется на наличие понятий и символов, ассоциирующихся с фашизмом. На основе полученных в результате количественного и качественного анализа фактов выявляются политические силы и общественные явления, которые в советском массовом сознании с наибольшей степенью вероятности могли трактоваться как фашистские.

Ключевые слова: холодная война; советская пропаганда; плакаты; карикатуры; антифашизм.

Победоносной весной 1945 г. Красная армия нанесла смертельный удар нацистскому Третьему Рейху. Вскоре в Нюрнберге, казалось бы, в соответствии с волей всего человечества и навсегда были осуждены его идеология и практика. Однако в наши дни все чаще наблюдаются попытки реабилитировать фашизм, растет влияние так называемых ультраправых радикалов. Причем это происходит в странах, которые активно декларируют свою приверженность идеалам современной демократии. В нынешних непростых условиях подмены идеологических ориентиров и их трансформации под реалии информационных войн, представляется целесообразным проанализировать, что именно, как и почему в нашей стране ассоциировалось в массовом сознании с фашистской угрозой уже в послевоенное время. В этой связи большой интерес вызывает советский пропагандистский опыт времен холодной войны.

Само присутствие антифашистской риторики на очередном витке глобального противостояния СССР и Запада было далеко не случайным. Для коммунистов классическим оставалось определение фашизма, прозвучавшее еще в 1934 г. на XIII Пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала: «открытая террористическая диктатура самых реакционных, шовинистических и империалистических сил финансового капитала» [1. С. 34]. На связь капитализма и фашизма указывал и западный исследователь В. Випперман: «...факт состоит в том, что фашистские партии возникли и выросли на почве капитализма, что они обладали особой притягательной силой для определенных слоев капиталистического общества, что капиталистические круги готовы были оказывать фашистам политическую и финансовую поддержку» [2]. Некоторые современные российские философы также развивают мысль, что фашизм генетически исходит именно из либерально-буржуазной эгоцентрической доктрины конкурирующих «свободных индивидов» [3]. Он «вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга – только на уровне не индивида, а расы» [1. С. 26]. Вместе с тем идеологию «единого пучка» («fascio») в виде господства нации или расы следует рассматривать и как одну из форм реакции на разобщенность капиталистического общества [Там же. С. 25]. Поэтому та или иная сте-

пень фашизации образа врага-капиталиста представляется не только идеологически, но и в какой-то мере цивилизационно predetermined, а значит, весьма актуальной для изучения.

Другой момент, на котором хотелось бы остановиться, заключается в том, что помимо отличительных идеологических особенностей, таких как антикоммунизм, корпоративизм, шовинизм и милитаризм, фашистские движения XX в. маркируются набором символических черт, сформировавших «специфический политический стиль» [2]. Иными словами, при всех дискуссиях о том, какой конкретно режим считать фашизмом, нацизмом, национал-социализмом, просто некой хунтой или «реакционной кликой», внешний образ порой характеризует его признаки гораздо сильнее, чем фактическая политика. Речь не идет о корректности такой идентификации. Важно то, что фашистские по происхождению атрибуты и символы достаточно узнаваемы и семантически нагружены, для того чтобы активно применяться и в контрпропаганде.

В этой связи обратимся к источникам, которые на начальном этапе холодной войны в наибольшей мере выполняли задачу образно-символической дискредитации идеологического противника, а именно к советским плакатам и карикатурам. Цель статьи – на основе данных материалов, охватывающих период 1946–1964 гг., выявить политические силы и общественные явления, которым придавались черты фашизма. Для этого было рассмотрено 630 агитационных плакатов и 848 карикатур газеты «Правда» на международные темы. Обширно представленный в них образ врага анализировался на наличие символов, которые в советском массовом сознании с наибольшей вероятностью трактовались как фашистские: свастика, нацистское приветствие, «имперский» орел-стервятник, элементы германской униформы времен войны, а также персоналии Гитлера и его соратников. Кроме того, учитывалось прямое упоминание фашизма и связанных с ним понятий в текстовой части источников.

К началу холодной войны вышеупомянутый символический ряд, безусловно, был уже далеко не новым для советской визуальной пропаганды, особенно в ее сатирической части. Так, еще в 1923 г. «раскол германских фашистов» в одноименной карикатуре

Б. Ефимова уподоблялся разнонаправленным лучам свастики, один из которых олицетворял гротескного вида Гитлер [4. С. 32]. Впоследствии создавший ее карикатурист вспоминал, что с появлением фашизма на исторической арене советские художники не устали «клеить варварство и изуверство фашистов, разоблачать их наглые претензии и беззастенчивую демагогию, издеваться над тупостью и мракобесием расистской идеологии» [5. С. 14]. К этому следует добавить, что антифашистская риторика распространялась не только на соответствующие режимы, но и на страны капитала в целом, а также на изменников делу революции – «Троцкого и его кровавую фашистскую шайку»¹. Разоблачение врага велось не одним лишь методом сатиры, вызывавшей злой смех и презрение. Совсем на иные эмоции был нацелен, например, плакат П. Караченцова «Фашизм – это голод, фашизм – это террор, фашизм – это война!» (1937). Формула, положенная в данный лозунг, визуализирована не типичным для того времени изображением звероподобного немецкого штурмовика, а побуждающими к сочувствию образами обездоленных женщины и ребенка, за которыми маршируют люди в коричневой форме. Несмотря на небольшие политические колебания, вызванные подписанием пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., отрицательный образ фашизма прочно укрепился в советском сознании. Так, историк и фронтовик Л.Д. Ефанов хорошо запомнил слова своего учителя, точно иллюстрирующие предвоенные настроения: «Оттого, что мы заключили договор с Германией, дело не меняется. Запомните, фашисты есть фашисты...» [6. С. 77]. О специфике визуальной пропаганды в условиях Великой Отечественной войны известно уже довольно много. Отметим лишь, что на примере плакатов хорошо заметно, как на определенных ее этапах, будучи сугубо политической категорией, фашизм обрел некоторые национально окрашенные черты, а прежний карикатурно-метафорический язык его дискредитации подчас становился более реалистичным [7. С. 192–193].

Какими же были перспективы использования в пропаганде темы фашизма после победы? О масштабах ее распространения свидетельствуют общие количественные данные. Так, за период 1946–1964 гг. фашистские символы обнаруживаются примерно в 31% карикатур и в 6% плакатов на внешнеполитические темы. Последний показатель не следует считать малозначительным, поскольку плакатные материалы были рассчитаны преимущественно на изображение положительного героя и формулировку побудительных лозунгов. И тот факт, что даже в них различные антагонистические образы 39 раз наделялись отсылками к фашизму, довольно красноречив. Среди соответствующей символики наиболее распространенной и универсальной была *свастика*. Она присутствует в 189 карикатурах и 34 плакатах, разоблачая довольно разнообразные политические силы. В 1960 г. этому «нацистскому пауку», вновь замеченному на стенах домов Западной Германии, в «Правде» посвятили даже целый сюжет-предупреждение: «На фюзеляжах самолетов и на эсэсовских значках он жил, зловещие тенета плетя вокруг материка. Еще нигде не позабы-

лись кошмары пауциных лет, но вот вчера он снова вылез, как говорят, на белый свет. И снова расправляет лапы, еще не сильные пока... Пока не поздно, бросьте на пол и раздавите паука!» – строки Л. Щеглова были проиллюстрированы рисунком Кукрыниксов, на котором два милитариста в форме, похожей на мундиры вермахта, тащат битую змееподобную свастику [8. 9 янв.] (рис. 1). Один из ее лучей исполнен в виде ракеты, что выражало идею особой опасности возрождения фашизма в ядерную эпоху на фоне роста международной напряженности в начале 1960-х гг.

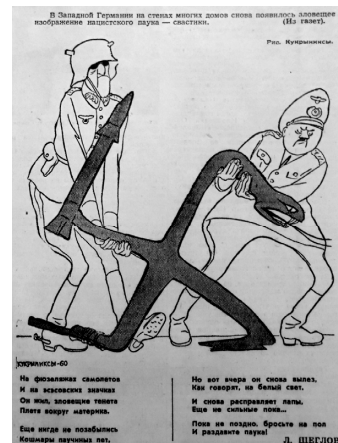

Рис. 1. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1960. 9 янв.)

Рис. 2. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1946. 1 мая)

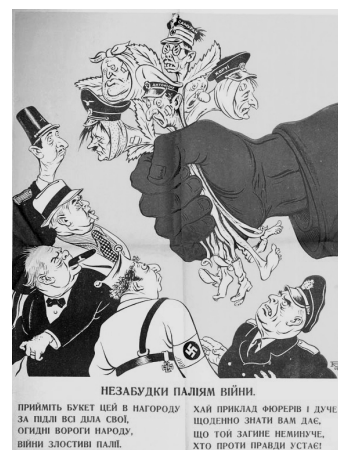

Рис. 3. Худ. Р. Матусевич (1948)

Самые ранние визуально-сатирические отклики на возможность развития нового конфликта также звучали с антифашистских позиций. Первая из карикатур, опубликованных в «Правде» в 1946 г., от имени «международной демократии» клеймила как вероятных поджигателей войны не Запад в целом, а именно фашиствующих европейских правых: «Не ходят нынче в форменной одежде, Рейхстаг не собираются поджечь, но где-то мимоездом скажут речь, а им ответит хор разноголосый: Ялчин и Андерс, Франко и хитосы...»² [9. 1 мая] (см. рис. 2). Следует отметить, что упомянутый здесь испанский диктатор был изображен со свастикой и железным крестом. Но если Франко в глазах советской пропаганды уже исторически являлся олицетворением фашиста, то начавшаяся холодная война стала закреплять эту неблагоприятную роль и за другими политиками. Так, в самом конце 1947 г. был создан посвященный 30-летию советских вооруженных сил сатирический плакат Б. Ефимова и Н. Долгорукова «Поджигателям новой войны следовало бы помнить позорный конец своих предшественников! (Н. Булганин)». В нем среди поджигателей оказался еще недавно союзный генерал де Голль, в руке у которого нечто вроде штандарта из таблички «крестовый поход против СССР» и свастики. Этот же фашистский знак виден на альпийской шляпе, одетой художниками на некую карикатурную фигуру, символизирующую, очевидно, германский национализм. Примечательно, что все эти деятели, ведомые Черчиллем, вылезали из огромного мешка с эмблемой доллара. По существу данная агитка предопределила основную логику фашизации образа врага в рассматриваемый период холодной войны: сплоченный идеологией антикоммунизма и питаемый американским капиталом Запад становится благоприятной средой для разного рода ультраправых элементов и тем самым разоблачает собственное тяготение к фашизму.

В рассмотренном выше плакате впервые в рамках холодной войны доносилась идея битого «предшественника», которая, с одной стороны, прославляла Вооруженные силы СССР, а с другой – давала повод для изображения карикатурных фашистов прошлого. Впоследствии в агитках на эту тему обычно противопоставлялись образы задорного, боевитого советского солдата или матроса и жалких, подцепленных на штыки или барахтающихся в море интервентов³. Так выражалось назидание потенциальным агрессорам. При помощи интересной метафоры наиболее прямо оно передано в работе Р. Матусевича «Незабудки поджигателям войны» (на укр. яз. 1948), где недавние лидеры стран Оси выступили в роли «букета». Красный кулак протянул его действующим западным политикам, среди которых свастикой и железным крестом на мундире вновь особо выделялся Франко (см. рис. 3). Метод исторического намека применялся в сатирических плакатах Б. Ефимова и Н. Долгорукова: «Старая песня на новый лад» (1949), основанном на параллели между Североатлантическим альянсом и Антикоминтерновским пактом; «На свою голову» (1960), в котором руководство НАТО «балуется» со старой фашистской каской, пытаясь прикрыть на ней свастику. Подобным способом высмеивался и харак-

тер взаимоотношений внутри организации. Так, в карикатуре «Правды» «Двадцать лет спустя» фашистский генерал держит британского за горло в 1939 г., но уже в 1959 г. британец, улыбаясь, готов передать немцу ядерную ракету по линии союзничества с Бундесвером [10. 17 дек.] (рис. 4). Или после подписания договора о сотрудничестве между Францией и ФРГ в 1963 г. де Голль в глазах карикатуриста М. Абрамова стал очередным «французским каблучком» к германскому армейскому сапогу точно так же, как и министр-коллаборационист Лаваль в 1943 г. [11. 20 февр.].

Если говорить о персонализированных тенях фашистского прошлого, то в целом за 1946–1964 гг. Гитлер, его соратники и союзники изображены в плакатах 17 раз, в карикатурах – 71 раз. При этом нередко они представляли не только в смешном, но и довольно жутком виде. Ярким примером тому служит сюжет Кукрыниксов «Парад командного состава НАТО». В нем в едином строю выжившие и получившие должности в Альянсе генералы вермахта вместе с мертвыми фашистскими вождями стоят перед пентагоновским эмиссаром, в уста которого вложена фраза: «Жаль, что многие из них не уцелели, могли бы сгодиться» [12. 17 дек.]. В инфернальном стиле художники разоблачили и ультраправую западногерманскую газету «Национальцейтунг унд Зольдатеңцейтунг», уподобив ее рупору в костлявых руках Геббельса, вещавшего из гроба [11. 6 дек.]. Очевидно, все это было призвано доносить идею, что сотрудничество с бывшими нацистами или обращение к их идейному наследию – самый гибельный политический путь.

Таковыми были наиболее универсальные закономерности фашизации образа врага на рассматриваемом этапе холодной войны. Но каждый конкретный политический прецедент по-своему закреплял за недругами СССР символические оттенки фашизма, проявляемые в разное время и с различной интенсивностью. Рассмотрим их несколько подробнее.

Выше уже упоминалось, что среди «поджигателей» холодной войны первым носителем фашистской символики (не считая Франко, который наделялся ей еще с 1930-х гг.) оказался де Голль. В карикатуре одного из номеров «Правды» за 1950 г. стремящийся к власти французский генерал уже прямо назван «очередным кандидатом в фюреры», запечатлен вскинувшим руку в нацистском приветствии и комично забравшимся на разбитую статую Гитлера при помощи своих внутренних сторонников и внешних (американских) покровителей [13. 3 марта] (рис. 5). Вместе с тем для середины 1950-х гг. характерны сюжеты, где национальные символы Франции – Марианна или галльский петух – как бы конфликтуют с фашистскими [14. 21 окт., 31 окт., 22 нояб.]. Этим иллюстрировалась перспектива подписания западными государствами разного рода военных соглашений, которые вели к ремилитаризации ФРГ и, в глазах советской пропаганды, несли угрозу, прежде всего, для французов. В комментариях к данным карикатурам вновь отражалась точка зрения, что все это делается под давлением и в интересах империалистических кругов США и отчасти Британии. К репортажу об антифашистских митингах в Париже в 1958 г. также был

подготовлен основанный на противопоставлении рисунок «Фашизм поднимает голову...» [15. 18 мая]. В нем волевая монументальная женщина-республика в знаменитой фригийской шапочке противостоит мелким карикатурным военным и правительственным реакционерам, которые пытаются навязать ей генеральскую диктатуру, представленную в виде каменного бюста — *головой* де Голля. В начале 1960-х гг. образ политической жизни Франции стал интенсивнее фашизироваться за счет обличения ультраправой организации ОАС, развернувшей свою террористическую деятельность, как считалось, при полном попустительстве властей. С декабря 1961 по май 1962 г. в «Правде» вышло 7 карикатур на эту тему, в 5 из них присутствует свастика.

Рис. 4. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1959. 17 дек.)

Возвращаясь к началу холодной войны, нельзя не упомянуть опыт фашизации образа Югославии в лице ее лидера И.Б. Тито, что представляло собой один из самых крутых поворотов в истории советской пропаганды. В мемуарах Б. Ефимова, непосредственного свидетеля многих идеологических перемен в нашей стране, особо выделен эпизод, когда в 1949 г. редактор «Правды» Л.Д. Ильичев к «немалому изумлению, попросил срочно нарисовать к завтрашнему номеру карикатуру на Тито под названием «Перебежчик»» [16. С. 403]. Редакционное задание было выполнено, и в газете за 13 августа 1949 г. читатели увидели рисунок с длинным названием «Перебежчик из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитала и реакции» [17. 13 авг.]. Гротескного вида Тито устремился к Трумэну, Черчиллю и Франко, что, надо сказать, выглядело еще относительно нейтрально. Но уже через десять дней Б. Ефимов в карикатуре «По их образу и подобию» изобразил югославского маршала в виде свастики, которая салютует портретам Гитлера, Муссолини, Гимmlера и держит топор с надписью «фашистский террор» [Там же. 23 авг.] (рис. 6). А вскоре, благодаря Кукрыниксам, некогда ближайший союзник стал именоваться «Титлером» [Там же. 4 сент.]. Подобные визуальные материалы, где обви-

ненный в предательстве Тито за счет символических средств или прямым текстом назван фашистом, особенно часто публиковались в «Правде» в 1949–1950 гг. (10 раз), после чего, несмотря на продолжение советско-югославского конфликта, газетные карикатуры почти перестают обращаться к этой теме. Между тем с началом Корейской войны и ростом антикоммунистической истерии на Западе на роль последователей фашизма в советской сатире появились новые яркие претенденты.

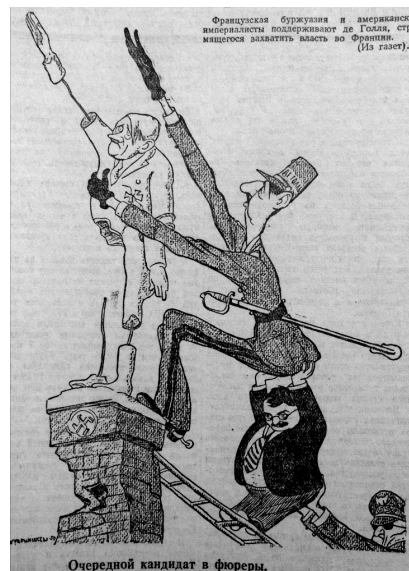

Рис 5. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1950. 3 марта)

Рис. 6. Худ. Б. Ефимов (Правда. 1949. 23 авг.)

Если рассматривать каждый создаваемый карикатуристами сюжет как взаимодействие сразу нескольких антигероев, характеризующих какое-либо враждебное явление, то можно обнаружить, что американские образы и символы явно соседствуют с фашистскими в 131 рисунке, опубликованном с 1949 по 1964 г. Подобным способом формировалось понимание, что в западном блоке фашизм поддерживается в интересах правящих и, особенно, военных кругов

США⁴. Собственно и сами они представлялись продолжателями вполне определенного политического мышления. Так, в основу сатирического плаката «Военные авантюры не сулят империалистам ничего иного, кроме катастрофы» (1950) положено уподобление «американского мирового порядка» «новому порядку» Гитлера, бесславный конец которого символизируют фашистское оборванное знамя и пробитая каска (рис. 7). Не менее яркий пример этой тенденции является собой агитка Н. Долгорукова «Американская “свобода” – тюрьма для народа» (1951). Она построена как несколько сюжетов, обличавших социальные язвы в США. Среди прочего в них есть милитарист, буквально вливающий «агрессивную психологию» в голову юного полуфашиста-полугангстера. Ниже, однако, делается достаточно оптимистичный вывод-лозунг: «Идет фашизация Америки на полный ход, но последнее слово скажет народ!». Метафорой «гитлеровского пути» и «старой фашистской дороги», а также свастикой и физиономией фюрера отмечены в советской визуальной пропаганде действия американской военщины в последние годы Корейской войны⁵. Впоследствии черты фашизма по-американски символически закреплялись за группировками, склонными к милитаристской или расистской риторике. В частности, в 1962–1963 гг. их политическое прозвище – «бешеные» – обыгрывалось через аналогию с «бесноватым» Гитлером и его нацистскими погромщиками [11. 4 дек.; 19. 14 дек.].

Рис. 7. Худ. Б. Аржекаев (1950)

С образованием в 1949 г. ФРГ в советской визуальной пропаганде появился наиболее устойчивый контекст для фашизации образа врага. Масштаб этой тенденции наглядно демонстрируют количественные данные: в 87% карикатур «Правды» на западногерманский режим присутствовали фашистские символы. При этом с 1952 по 1958 г. подобный его образ оставался практически безальтернативным. По существу, уже самые первые рисунки, вышедшие осенью 1949 г., на долгие годы заложили основы советского восприятия политической роли ФРГ: марионеточное

государство, возглавляемое ярим антикоммунистом – канцлером Аденауэром, при финансовой поддержке своих заокеанских покровителей строит планы реванша, направленные против соцлагеря и угрожающие миру в целом. Символическим выражением тому послужили «правительственная платформа» из знака доллара и свастики, «восстановление» местными парламентариями разбитой статуи нацизма, а также любопытный образ еще неоперившегося германского стервятника в каске вермахта, которого «подкармливают» американские и британские ястребы [17. 11 сент., 22 окт., 31 окт.] (рис. 8).

Рис. 8. Худ. М. Абрамов (Правда. 1949. 31 окт.)

Центральное место в сатире на политику Западной Германии занимал акцент на милитаризм. В целом в течение рассматриваемого в статье периода даже не *свастика* (встречается 138 раз), а именно пародии на *униформу гитлеровских вооруженных сил* стали основным способом символического разоблачения ремилитаризации ФРГ – всего было опубликовано 150 таких изображений. Обычно данные символы сочетались как между собой, так и с некоторыми другими, менее распространенными, но также несущими фашистский оттенок. Особенно ярко это заметно на карикатуре Кукрыниксов «Западной Европе – от заокеанского дядюшки» [20. 1 янв.], в которой западногерманское государство олицетворяет солдат в форме вермахта со свастикой на шлеме и портретом Гитлера. Правую руку он вскинул в нацистском приветствии. В значительной части рисунков в подобном виде предстает персонально Аденауэр. Фашизированный образ канцлера оказался столь знаковым, что временами попадал и в политические плакаты⁶.

Очевидно, логика сюжетов, связанных с ФРГ, исходила из убеждения, что любые попытки наращивания военной мощи (нарушение условия демилитаризации Германии) вкупе с ортодоксальным неприятием социализма и, как следствие, непризнания ГДР (нарушение демократизации) почти автоматически означают пограние и другого важнейшего послевоен-

ного принципа – денацификации. Свидетельствует ли это о рождении в советской пропаганде одного из самых мощных политических или даже национальных стереотипов? Надо сказать, что при всей смысловой окраске символического ряда карикатур, в комментариях к ним политическая жизнь в ФРГ напрямую отождествляется с фашизмом не многим более десятка раз.

Рис. 9. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1955. 17 апр.)

Преобладающей была формулировка «*боннские реваншисты*», которая, хотя и ассоциировалась с духом германского милитаризма, но по существу низводила образ врага до уровня локальной группировки в лице столичной верхушки и ее сторонников. Параллельно в печати и агитационных плакатах формировался образ другой, Восточной Германии, дружественной и миролюбивой⁷. Примечательно, что в канун 18-й годовщины начала Великой Отечественной войны в «Правде» был опубликован рисунок М. Абрамова «Мир Дружба Frieden Freundschaft», в котором рукопожатие советского и восточногерманского рабочих явилось ударом по американскому милитаристу, капиталисту-«атомщику», а также реваншисту, внешне напоминающему Гитлера [10. 21 июня].

Для фашизации образа ФРГ находился вполне объективный повод, заключавшийся в допущении к государственному управлению плеяды генералов и чиновников, скомпрометированных не только службой Третьему Рейху, но и, как подчеркивала советская сторона, военными преступлениями. Наиболее ярко эту тему раскрывают карикатуры «Американская раса» [14. 28 дек.], «Новые руководители... Прежние вдохновители» [20. 17 апр.] (рис. 9), «Возвращение Ганса Шпейделя» [21. 27 янв.], «Провокаторы новой войны Штраус, Шпейдель, Брентано и их старые тени» [12. 17 авг.], а также некоторые другие, где фашистские бонзы прошлого соседствуют с послевоенными западногерманскими деятелями. Уже после от-

ставки канцлера Аденауэра, в самом конце 1964 г. серией из трех сатирических рисунков, содержавших и звероподобные образы бывших фашистов, в «Правде» отмечена новость, что «в Западной Германии прекращается судебное преследование нацистских преступников “за давностью преступлений”» [22. 15 нояб., 26 дек., 27 дек.].

Таковыми были основные направления фашизации образа врага на начальном этапе глобального идеологического конфликта. Примечательно, что сама холодная война также иногда наделялась чертами карикатурного фашиста – это был бесформенный, подтаивший снеговик в каске вермахта на голове и с орудийным стволом вместо носа [10. 22 дек.; 15. 3 мая]. Эпизодически Гитлер или фашистская символика изображались в карикатурах на Черчилля и консервативные круги Британии, недружественные СССР режимы Японии, Южной Кореи и Португалии, или, например, на вдохновителей антикоммунистического мятежа в Венгрии осенью 1956 г. Данный метод визуального разоблачения применялся и в последующий период, коснувшись и всевозможных хунт, и даже действий Израиля в Ливанской войне 1982 г.

Еще в начале 1960-х гг. ветераны советской сатиры отмечали, насколько знаковыми и в какой-то мере рутинными для них стали подобные рисунки. Б. Ефимов писал, что «такие трафаретные фигуры, как британский лев, дядя Сэм, поджигатель войны с атомной бомбой в зубах, *германский реваншист в рогатом шлеме* (выделено мной. – Е.Ф.) и тому подобные, давным-давно знакомые и надоевшие персонажи» по-прежнему сохраняют актуальность как традиционные образы-метафоры, получившие характер «своего рода сатирический терминологии» [5. С. 58]. В 1962 г., оглядываясь на свой 30-летний опыт работы в «Правде», Кукрыниксы вспоминали, как с началом холодной войны «появилась и новая “натура”, сменившая надоевшего до черта Гитлера. А в последнее время снова повылезли и старые гитлеровские “натурщики” – шпейдели, хойзингеры и прочие штраусы» [23. 19 апр.]. Все это говорит о том, что восприятие, однажды заложенное в визуальную пропаганду, оказало заметное влияние как и на ее авторов, так и, в конечном счете, на ее зрителей.

Были ли предложенные образы убедительны, конечно можно судить по письмам некоторых советских граждан, присланным высшему руководству СССР на фоне различных событий холодной войны. В свете визита Н.С. Хрущева в Австрию в июле 1960 г. бывший фронтовик М. Рязанов, ссылаясь на личные наблюдения, писал генсеку, что фашисты в этой европейской стране открыто и беспрепятственно распространяют свои призывы, а на новогоднем балу 1956 г. в одном из клубов «сыпали конфеты с изображением свастики». Также он напомнил о прибывавших из Австрии «бандитах от фашизма», которые пополняли ряды венгерских повстанцев, и сделал весьма показательный вывод: «...фашистские молодчики могут действовать и сейчас, и они, будучи подстрекаемыми американскими агрессорами, могут натворить любую мерзость» [24. Л. 120]. В моменты роста международной напряженности простые люди,

как это часто встречалось и в визуальной пропаганде, проводили исторические параллели: «если острит Эйзенхауэр штыки на нас стальные, словно Гитлер пропадет на много раз быстрее» [24. Л. 80]. Или, например, суждение по Карибскому кризису: «...между Гитлером тогда и Кеннеди теперь, к сожалению, слишком мало разницы... все наши сегодняшние уступки вернутся предательством по отношению к мужественному, героическому, прекрасному кубинскому народу... Мир мы этим не спасем, как не спасли когда-то, уступая Гитлеру Чехословакию» [25. Л. 79–80]. При этом отдельные авторы с оптимизмом смотрели на общественное движение капиталистических стран, что также было в духе советских интернационалистических лозунгов. Так, письмо некоего А. Наумова из Ленинграда, написанное летом 1962 г., выражало надежду, что народы «будут воевать против капиталистов всех мастей, где бы они не находились и под какой маской не скрывались – под фашистами, милитаристами, ультрой и т.п.» [26. Л. 34–35]. Но в некоторых случаях фашизация восприятия врага превзошла даже отведенные официальной пропагандой рамки. Например, после убийства в начале 1961 г. лидера конголезского национально-освободительного движения П. Лумумбы виновников этого преступления – западных колонизаторов и их африканских сторонников – называли фашистами [27. Л. 10]. А генсека ООН Д. Хаммершельда, который, как считалось, будучи в сговоре с Западом, допустил расправу, также предлагалось «судить, как матерого фашиста» [Там же. Л. 32]. И хотя в то время десятками публиковались карикатуры, разоблачавшие колониализм, отсылки к фашизму в них не наблюдались.

Несмотря на определенное сходство приведенных выше суждений с картиной мира, предлагаемой визуальной пропагандой, в целом, было бы, однако, не совсем корректно связывать возникновение у населения «фашистских аналогий» исключительно с какими-либо пропагандистскими приемами. Для большинства советских людей того поколения борьба с

фашизмом была, прежде всего, личным опытом и трагедией, упоминание о которой в письмах являлось следствием и более глубоких психологических переживаний о дальнейшей судьбе своей страны и мира.

В наши дни исследователь С. Кара-Мурза замечал, хотя и с долей иронии, что попытки глубокого научного анализа фашизма иногда сталкиваются с аргументом «...все, дескать, нам Кукрыниксы объяснили» [1. С. 12]. Что же конкретно карикатуристы могли «объяснить» обществу? Предпринятый анализ показал, что, по сути, холодная война в визуальной пропаганде СССР началась именно с намека на по-прежнему звучащие на политической арене послевоенной Европы отголоски фашизма. При этом он обрел характер некоего архетипического зла, к которому, с советской точки зрения, относился почти каждый, кто вставал на откровенно недружественный путь. В данном случае роль фашистской символики как таковой может быть определена двояко: с одной стороны, закреплять и усиливать отрицательную сущность антагонистических образов, а с другой – создавать их изначально за счет особой смысловой нагрузки самих символов. Поэтому фашизм здесь уже не конкретный режим или идеология, а символическая категория, означающая определенное *политическое поведение*. В соответствии с сюжетами плакатов и карикатур к типичным качествам этого поведения следует отнести: курс на *предательство* классовых или национальных интересов, выстраивание *личной диктатуры*, культивирование *агрессивной социальной психологии*, ведение *наступательных войн*, *ортодоксальный антикоммунизм*, *милитаризм* и *реванизм*, а также любые меры, де-факто *реабилитирующие нацизм*. Применительно к современности рассмотренный пропагандистский опыт свидетельствует, что в ситуации информационных войн в принципе любая политическая сила, которая сознательно или неосознанно подпадает под выше-названные признаки, на ментальном уровне может ассоциироваться в массовом сознании с фашизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр., плакаты Г. Розе «Капитал лицом к СССР» (1930); В. Дени «Стереть с лица земли врага народа Троцкого и его кровавую фашистскую шайку» (1937).
- ² Хюсейн Джахит Ялчин – прозападный турецкий писатель и общественный деятель, антикоммунист; Владислав Андерс – польский генерал-националист; Франсиско Франко – испанский диктатор; хитосы – греческие ультраправые.
- ³ См., напр., И. Семенов «Мы врага встречаем просто...» (1948); В. Брискин «Урок врагам» (1952), «В советском море врагу горе» (1953); С. Забалуев «Напомним на всякий случай агрессорам» (1955).
- ⁴ Представители Пентагона изображались вместе с образами-носителями фашистской символики в 65 карикатурах.
- ⁵ См. плакаты В. Брискина «По гитлеровскому пути... одна дорога, один конец...» (1952) и «По старой фашистской дороге...» (1953), а также карикатуры Кукрыниксов «По пути гитлеровской тирании» [18. 19 мая] и «Заклейменные» [18. 24 дек.].
- ⁶ См., напр., Л. Самойлов «По рукам!» (1952) и Б. Широкоград «Звонари войны» (1962).
- ⁷ См., напр., С. Забалуев «За дружбу советского и германского народов! Во имя мира во всем мире!» (1953); В. Корецкий «Да здравствует дружба народов Советского Союза и Германской Демократической Республики» (1958).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С.Г. Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризма // Коммунизм и фашизм: братья или враги? : сб. / ред.-сост. И. Пыхалов. М., 2008. С. 7–57.
2. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982. Новосибирск, 2000. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>, свободный (дата обращения: 04.03.2017).
3. Вахитов Р.Р. Национализм: сущность, происхождение, проявления. URL: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/nacionalizm.html>, свободный (дата обращения: 04.03.2017).
4. Ефимов Б.Е. Невыдуманные истории. М., 1976. 221 с.
5. Ефимов Б.Е. Основы понимания карикатуры. М., 1961. 69 с.

6. Ефанов Л.Д. Мое 22 июня 1941 года // Не забыть нам дорог фронтовых: воспоминания участников Великой Отечественной войны – ветеранов Томского государственного университета. Томск, 2004. С. 74–80.
7. Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. 2015. № 2 (40). С. 189–210.
8. Правда. 1960.
9. Правда. 1946.
10. Правда. 1959.
11. Правда. 1963.
12. Правда. 1961.
13. Правда. 1950.
14. Правда. 1953.
15. Правда. 1958.
16. Ефимов Б.Е. Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. 672 с.
17. Правда. 1949.
18. Правда. 1952.
19. Правда. 1962.
20. Правда. 1955.
21. Правда. 1957.
22. Правда. 1964.
23. Советская культура. 1962.
24. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 94. Д. 1278.
25. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1354.
26. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1356.
27. ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 78. Д. 140.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2017 г.

THE FASCIZATION OF THE ENEMY IMAGE IN THE SOVIET VISUAL PROPAGANDA AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR (1946–1964)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 163–171.

DOI: 10.17223/15617793/418/20

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: Cold War; Soviet propaganda; posters; caricatures; anti-fascism.

In the article the experience of the fascization of the enemy image in the visual propaganda of the USSR at the beginning of the Cold War is considered. The textual and graphic content of the propaganda posters and newspaper caricatures, devoted to foreign matters, is studied for the presence of concepts and images associated with fascism, such as: Swastika, Nazi salute, “Imperial” eagle-vulture, elements of the German WWII military uniform, as well as Hitler and his allies. By the facts from the results of the quantitative and qualitative analysis, the political powers and social phenomena are elicited, which in the Soviets’ public consciousness with the greatest possibility were interpreted as fascists’. The analysis has shown the Cold War in the visual propaganda of the USSR began exactly from the hint about the echoes of fascism, sounding as before on the European post-WWII political arena. At the same time, fascism was presented as the archetypal evil which, from the Soviet point of view, included almost everyone declaring the outspoken unfriendly policy. In this case, the role of fascists’ symbolism could be defined in two ways: on the one hand, to fasten and to strengthen the negative substance of the antagonists’ images, and, on the other hand, to create them originally by the semantic value of symbols as such. Therefore, fascism was not a certain regime or ideology, but a category, which meant a definite political behavior. According to the subjects of the posters and the caricatures, the typical features of this behavior include: betrayal of the class or national interests, personal dictatorship, cultivation of aggressive social psychology, waging of offensive wars, ardent anti-Communism, militarism and revanchism, as well as all activities of the de facto Nazism rehabilitation. In modern times, this propagandistic experience shows that in the information war each political power, which consciously or unconsciously has the above-mentioned features, may be associated with fascism on the mental level of mass consciousness.

REFERENCES

1. Kara-Murza, S.G. (2008) Nemetskiy fashizm i russkiy kommunizm – dva totalitarizma [German fascism and Russian communism: two totalitarianisms]. In: Pykhalov, I. (ed.) *Kommunizm i fashizm: brat'ya ili vragi?* [Communism and Fascism: Brothers or Enemies?]. Moscow: Yauza-press.
2. Viperman, V. (2000) *Evropeyskiy fashizm v sravnenii 1922–1982* [European fascism in comparison, 1922–1982]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. [Online] Available from: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>, svobodnyy. (Accessed: 04th March 2017).
3. Vakhitov, R.R. (n.d.) *Natsionalizm: sushchnost', proiskhozhdenie, proyavleniya* [Nationalism: essence, origin, manifestations]. [Online] Available from: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/nacionalizm.html>. (Accessed: 04th March 2017).
4. Efimov, B.E. (1976) *Nevydumannye istorii* [Nonfictional stories]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
5. Efimov, B.E. (1961) *Osnovy ponimaniya karikatury* [Basics of understanding caricatures]. Moscow: Akademiya khudozhestv.
6. Efanov, L.D. (2004) Moe 22 iyunya 1941 goda [My June 22, 1941]. In: Solov'eva, V.A. (ed.) *Ne zabyt' nam dorog frontovykh: vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny – veteranov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [We will not forget the front roads: memoirs of the participants of the Great Patriotic War – veterans of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Fedosov, E.A. & Konev, K.A. (2015) Soviet poster in the times of the Great Patriotic War: national and regional dimension. *Rusin*. 2 (40). pp. 189–210. (In Russian).
8. *Pravda*. (1960).
9. *Pravda*. (1946).
10. *Pravda*. (1959).
11. *Pravda*. (1963).
12. *Pravda*. (1961).
13. *Pravda*. (1950).
14. *Pravda*. (1953).

15. *Pravda*. (1958).
16. Efimov, B.E. (2000) *Desyat' desyatiletii: o tom, chto videl, perezhil, zapomnil* [Ten decades: what I saw, experienced, remembered]. Moscow: Vagrius.
17. *Pravda*. (1949).
18. *Pravda*. (1952).
19. *Pravda*. (1962).
20. *Pravda*. (1955).
21. *Pravda*. (1957).
22. *Pravda*. (1964).
23. *Sovetskaya kul'tura*. (1962).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 94. File 1278. (In Russian).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 96. File 1354. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 96. File 1356. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R7523. List 78. File 140. (In Russian).

Received: 26 March 2017